

УДК 811.161.1

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИЗВОДЫ КНИЖНОГО ЯЗЫКА
И ВТОРОЕ ЮЖНОСЛАВЯНСКОЕ ВЛИЯНИЕ
(об орфографии Захариинского паримейника 1271 г.)**

А.И. Кузовенкова

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению некоторых языковых особенностей одного из неизученных рукописных памятников – Захариинского паримейника 1271 г. С одной стороны, в рукописи отражены псковско-новгородские диалектные черты, такие как смешение аффрикат *ц* и *ч*, свистящих и шипящих, особый тип рефлексации групп *ТъгТ*, написания *с жг* наряду с *жд* и др. С другой стороны, в большом количестве представлены южнославянские по происхождению написания. Всё это позволяет сделать вывод о возникновении архаизирующих правописных навыков в Захариинском паримейнике, а также уточнить данные о количестве и территориальной принадлежности переписчиков, работавших над текстом.

Ключевые слова: богослужебные памятники, паримейный текст, историческая грамматика.

По подсчётам исследователей, славянский паримейник сохранился более чем в семидесяти списках XIII – XVIII вв. Каждая из рукописей принадлежит определённой группе (в частности, Троицкий паримейник – Семёновской группе, Паримейник 1271 г. (Захариинский) – Захарьинской группе). Каждая группа имеет индивидуальные варианты, но есть и общие черты. Индивидуальные варианты Семёновской группы возникли в результате редактирования (прежде всего исправления по греческому тексту). Что касается Захарьинской группы, то среди её индивидуальных вариантов нет ни одного, который бы указывал на редакторскую правку.

Хронология возникновения различных групп представляется следующим образом: сначала в ходе редактуры в текст древнейшего типа были внесены исправления по оригиналу и отдельные лексические замены; в результате возник общий источник Козминской и Семёновской групп. В процессе переписывания в него проникли изменения стихийного характера, что привело к появлению протографа Козминской группы. С другой стороны, этот текст подвергся дальнейшей, более последовательной редактуре, отразившейся в списках Семёновской группы. В результате влияния этого отредактированного текста на древнейший тип паримейника возник смешанный текст, представленный в списках Захарьинской группы [1, с. 147–157].

Объектом рассмотрения в данной работе является рукопись РНБ, Q, п. I, 13 – Паримейник (Захариинский) 1271 г. Цель статьи – определение языкового своеобразия данного памятника.

Паримейник 1271 г. (далее – Прм 1271) исследователи относят к числу памятников новгородского происхождения [2, с. 66]. Известно, что рукопись была переписана четырьмя лицами: первый писец, Захария, переписал л. 1 об. – 73; второй писец, сын Захарии Олуферий, написал текст с л. 74а по л. 195г и с л. 227а по л. 255б; третий писец, неизвестный по имени, написал л. 196 а – 226 г; четвёртый – л. 256–264 об. Вывод о дате и локализации данного памятника сделан на основании записей в самой рукописи на л. 58, 73 г и 233 об. писца Захарии, на л. 73г – с датой *1271 г. (ϣϣϣοϩ)*. Указывается, что писец – поп церкви св. Дмитрия, писал книгу вместе с сыном для матигорцев за Волок. На л. 91б находится запись Олуферия, здесь же полууставом XVI в. повторение записей писцов без указания их имён, но с уточнением, что церковь св. Дмитрия – в Новгороде, а книга писалась для церкви Бориса и Глеба на Матигоре за Волок. Рукопись написана на листах пергамена уставом в два столбца (на л. 256–264 в один столбец), не имеет завершения, объём памятника 264 листа [3, с. 295–296; 4, с. 205–206].

По словам Н.М. Каринского, Прм 1271 «представляет материал, содержащий ценные указания на русские диалектные особенности, а также обнаруживает далеко не обычную в русских памятниках графику, отражающую письмо древних болгарских рукописей. Графика Паримейника и отразившиеся в нём особенности языка древнецерковнославянского или среднеболгарского оригинала, который лежит в основе его текста, представляют значительный интерес» [5, с. 234].

Лингвистической особенностью Прм 1271 является наличие в нём нестяжённых форм имён прилагательных, причастий, а также форм имперфекта. Подобные образования свидетельствуют не только о древности списка, их сохранение было связано в том числе с тем, что паримейник пели по нотам [5, с. 235]. Приведём примеры из рукописи:

а) прилагательные у первого писца: на искрѣна|аго сѣоуѣго (л. 25в), не по днѣмѣ парѣхнѣмѣ (л. 25в), ѿ ксѣхѣ плѣкменѣ ѡзѣчѣдскѣн|хѣ (л. 27а), гѣа гѣрдѣнѣмѣ прѣтѣкнѣтѣсѣ (л. 48г); формы имперфекта: дѣкѣма пок|рѣкѣаахоу ногѣ сѣоу . а дѣкѣма летѣаахоу . и вѣ|пнѣаахоу и глѣа|ахоу (л. 61а);

б) прилагательные и причастия у второго писца: ни рѣбѣноуи зѣ|лѣнѣмѣ моу|жемѣ (л. 158г), и ѡбрати ма на поуѣте кра|тѣ стѣнѣхѣ вѣ|нешнѣхѣ зѣ|рѣшнѣхѣ ко вѣ|стокомѣ (л. 231г), и вѣведе ма поуѣтамѣ по поуѣти кратѣ соушнѣхѣ кѣ сѣквероу прѣкмо храмѣоу (л. 232а), не потоуи истоуникѣ вѣднѣнѣхѣ (л. 236г), вѣ|скрасениѣмѣ ѿсѣ хѣа из мрѣтѣвѣн|хѣ (л. 242в), вѣ влѣз оутѣврѣа|юшнѣхѣсѣ силоу бнѣю (л. 242г), злѣа|та гѣкѣлющѣа|аго (л. 243а), ѡгрѣватѣсѣ ѿ плѣтѣскѣн|хѣ похотнѣи (л. 244а), не тѣкмо блѣгнѣмѣ (л. 244г) и т. д.; глагольные формы: прѣамѣо лицѣоу сѣоуѣму идѣа|ашѣ (л. 171а), ѿ|гнѣа исхожа|ашѣ (л. 172а), идѣаахоу и не ѡбращѣаахоуѣсѣ (л. 172б), кѣми же ѡ сѣмѣрѣаахѣ (л. 174а), сохѣ|жаахоу и вѣсхѣ|жаахоу по неи (л. 231а), коу|пнѣа же не со|гѣрѣаашѣ (л. 235г), вѣпѣа и|хѣ сѣлѣшаахѣ (л. 236б), вѣнѣа|гѣа же

ГОТОВА|АШЕСА НѢО . СЪ НИМА БЛХЪ . И КГДА РАЗЛОУ|УААШЕ СКОИ ПРЕ|СТОЛА НА КЪТРО|РЪХЪ . КЪНАГДА ЖЕ КРЪПКИ ТКО|РААШЕ КЪШНА|НА ШЕЛАКЪ НА|КО ТЪРДЪ ПО|ЛААГААШЕ ИСТО|УНИКЪ ПОДЪ|НКСАНЪИ (л. 237 а), КРЪ|ПКАНА ТКОРА|ШЕ ШНОКАНИ|НА ЗЕМЛИ (л. 237б) и др.;

в) имена прилагательные у четвертого писца: НЕ Ш ПРО|ТИКНИ|ХЪ ИЗ Ш СКО|ГО КРА|ТА (л. 262б), СЪ ПРАВДДНИ|МИ ПРИЧЕСА СЪ ПРРЪКЪ И АПЪЛЪ (л. 262в).

Тексты северного происхождения отличаются присутствием множества диалектных образований. Одной из ярких особенностей северо-западного происхождения в Прм 1271 является смешение аффрикат. По замечанию лингвистов, три почерка отражают три разных типа написаний: первый писец, самый грамотный, даёт незначительное число отклонений от традиционных написаний, ему свойственно безразличное смешение аффрикат, но с явным пристрастием к «чоканью»; второй писец употребляет только ц вместо ч, выражая свойственное новгородскому говору «мягкое» цоканье; в третьем почерке, в тексте, дописанном позже и уже не на севере, отражается ещё один тип смешения аффрикат – ц вместо ч перед гласными верхнего подъёма и перед мягкими согласными, ч вместо ц перед гласными среднего и нижнего подъёма. Третий тип смешения распространён в основном в рукописях XIV в., он же фиксируется в современных говорах на севере [6, с. 314]. Между тем данные самого текста показывают, что принцип, который формулирует В.В. Колесов, не всегда выдержан, да и типов смешения согласных, видимо, не три, а четыре (этот вопрос требует более глубокого анализа).

Приведём примеры из Прм 1271:

а) первый переписчик: С|НУЕ ГЛЕТЪ ГЪА (л. 14г, 15в, 25а), ИЗ|ИДЪТА ЖЕ|НИХЪ ИЗ ЛОЖНИ|УА СКО|НА (л. 22а), ДА НЕ РЕКОУ|ТА ЯЗЫ|ЧИ (л. 22б);

б) второй писец: ЛИСТА МАСЛИ|ЦАНЪ (л. 89в), ИНОПЛЕ|МЕННИ|УИ КСИ (л. 93а), СЪ|КОНЦАЮ|ТСА СРАМНО (л. 122а), ЛОУЦИ МОУЖА ТДРПЪ|ЛИКЪ КРЪ|ПКАГО. ОУДРА|ЖАН ГИ|КЪА ЛОУ|УНИ КСТА ПРЪ|ИМОУШААГО ГРАДЪ ТЪ|КРДЪ (л. 131г), УЕЛОКАТИ НЕУА|СТИКЪИ|ХЪ (л. 138а), КЪЗКЕДОХЪ УЦИ МОИ (л. 153г), КЪЗКЕДОХЪ УЦИ МОИ КЪ ГОРЪИ (л. 157а), КИДЪ О|ТРОЦА ПЛА|УОУШЕСА (л. 178г, 179б), ЛИУА ЖЕ МОКГО НЕ Ш|КРАТИХЪ Ш СТОУДА (л. 193в), ИЖЕ АШЕ РОДИ|ТА УТРОЦА МОУ|ЖАСКА ПОЛОУ (л. 233г), ДКА ПТЕНЦА ГОЛОУ|КИНА . ЛИ ДКА ГОРЛИ|ЦИЩА (л. 234б), ПРИ|ТЦАМЪ ЗНАМЕ|НИИ И ЧЮДЕСА (л. 250г);

в) ц вместо ч у третьего писца: ОПОЛЦИ|ШАСА КЪ СЛЪДЪ ИХЪ (л. 197г), ДША ОТРОЦИ|ЩА (л. 203б), ТЪСОУШАНИ|КЪИ И СЪТНИ|КЪИ И КНИГО|ЦИ И П-НИКЪИ (л. 221г, 223а), ПОУИ НА НИХЪ ДХЪ И ПРЦА|СТКО|КАХОУ КЪ СТА|НОУ (л. 223б), БОДОЮ ЦИ|СТОЮ (л. 225б), НЕ БЪИСТА КЪ КАСЪ ЦЮЖА|ГО (л. 226б);

г) ч вместо ц у третьего писца: СЪИ|ША Ш ПШЕНИ|УА (л. 196а), ШРОУЖИ|КЕ НАГО КЪ РОУ|УКЪ КГО (л. 196а), И О КОЛЪСНИ|УАХЪ КГО (л. 198в), СЪКЪДЕТЕЛЮ КЪ|ДОКИУИ (л. 203а), ИЩЕТА ДО|МАУАДА|УА (л. 220в), МЕЖЮ МЪ|ЖЕМА И КРАТО|МА КГО . И МЕЖЮ ПРИШЕЛЪ|УАМ НЕ ПОЗНАКШИ ЛИУА НА СОУДЪ|К МАЛОМОУ . И КЕЛИКОМОУ СОУ|ДИ . И НЕ ОБИИ|СА ЛИУА УА|ЦА|СКА (л. 222а), ТОКМО ОУА| БАША ИЗКОЛИ ЛЮБИТИ (л. 222а),

ткора|и соу́дъ прише|лъюу сиротѣ и кодокици (л. 222в), снн|дѣ гѣа къ обла|уѣ (л. 223б);

д) четвертый писец: лота дроно|кица шюрина скоюго (л. 257г), о|тциноу скою роуца|скоюу (л. 258б), до конацинѣ кѣка (л. 258б), за роуки са юмлюще сѣца|хоу и по оудолнелма крѣва тѣуаше (л. 260а), великѣи князѣ цадолюбнѣи (л. 261а), къ неи же болѣзни и сконцасѣ (л. 261б, 262в, 263г), вѣста юмоу вѣо о уѣи (л. 261г), бѣ ко любимѣ оуе|ма пауе всѣхѣ (л. 261г), на о|бразѣ клдцна (л. 26а).

К графическим особенностям Прм 1271 относится мена ѡ и о, ѡ и е (ѣ): про|стади роукоу скою на мѣре (л. 198в), межу полкомѣ юго|пата|скѣме и межу пол|комѣ снѣвѣ излѣвмо (л. 199а), спа на мѣстѣ томѣ (л. 230г), теѣ да мѣ ю и сѣмени ткю|емоу (л. 231а), локти же скои оутѣ|ѣржа|етѣ на крѣ|тено (л. 166б), преже оутѣ|ѣрженна (л. 236г), къвѣ|ргоша на къ пещѣ о|гноу (л. 214а), ѡкѣ|рзѣ оуста (л. 214б), имени юго и кѣ лотѣ акрамюу снѣ|ѣца и шюринѣ (л. 257г), гла снѣ|ѣ (л. 262а) и др. Материал рассматриваемого письменного источника свидетельствует о том, что смешение вышеперечисленных гласных характерно не только для так называемой бытовой графической системы, но и для книжной письменности [7, с. 23–25].

В Прм 1271 представлены как южнославянский тип написания с редуцированным после плавного, так и восточнославянский с сохранением или вокализацией глухого. У первого переписчика наблюдаются традиционные древнерусские написания с редуцированным перед сонорным: да коуде|та твдрѣ (л. 2а, 33в), гѣа ксе|ддржителѣ (л. 25а–в, 27а), сѣмд|ртию у|мрета (л. 42а), юко ѡнмѣ|та гѣа сквдрюу (л. 49б), не ѡкдрзи наказанна (л. 65б).

У второго переписчика преобладают восточнославянские написания с глухим: ювнша|са кдрси горѣ (л. 89а), простд|рѣ роукоу скою ютѣ и (л. 89а), сѣ истинюу и срдца|ма сѣкдрше|нѣма (л. 115а), роуцѣ скои ѡкдрзаетѣ оубо|гомю (л. 166б), х|рамѣ твдрѣѣ (л. 174а), мд|рзѣхоу юго|птаномѣ (л. 174а), твдрѣ ка|ме|на (л. 193в), се лѣст|вица оутѣ|држена на земли (л. 230г), и ксакго па|дрѣ|нѣца снѣ|вѣ мои|хѣ из|ва|кю (л. 233г), пре|дѣ д|дрми ски|нина сѣкѣ|дѣ|нина къ ж|рцю (л. 234б), ст|во|ратѣ ж|дрт|коу и дрѣѣ (л. 235б), юко твдрѣѣ по|ла|а|лаше исто|у|никѣ подѣ|нѣ|санѣи (л. 236г), не скв|дрнано и неоуба|данмо (л. 242г), къ ва|сѣ оутѣ|држа|ющи|хѣ (л. 242г), проси д|ши скои сѣмд|рти (л. 247а), ѡкдрзоу оустанѣ прако (л. 250б), мд|рзѣѣ же пре|дѣ мною оустанѣ лѣжнѣѣ (л. 250б), юко бесѣмд|рти кѣта (л. 250г), о|крѣ|тантѣ па|дрѣ|нѣши та (л. 252а), пре|же оутѣ|дрднѣ|са горамѣ (л. 254б), твдрѣѣи по|ла|а|лаше ка|ме|на (л. 254г).

Реже у него обнаруживаются примеры с вокализацией глухого: ѡкци мерка|юше (л. 145г), де|ржа|шасѣ дрѣ|гѣ къ дроу|гѣ (л. 171б), оуби гѣа ксакѣ перѣ|вѣ|нѣца скота . сего ра|ди лѣзѣ ж|дроу гѣвн (л. 233г), н|спер|ва со|тона сѣгрѣ|шантѣ (л. 238б–в), на кер|хоу горѣ (л. 246а), зми|нн дрѣвннн (л. 248г). Присутствуют и южнославянские написания: ко|ль|са при|др|жа|шасѣ нѣхѣ (л. 172а), до крѣ|хоу (л. 174г), ѡ морѣ ур|д|мно|го (л. 232в), прѣ|вѣ|нѣ|ца ро|данѣ на з|в|др|занѣ

и ло|жесна (л. 233а), ксакъ разкрдзана ло|жесна моужьска полоу (л. 233г), г^ѣ б^ѣ кседрд|жителъ (л. 233г, 247в), пр^ѣндохомъ ѿ смр^ѣти въ жинъ (л. 238г, 249б), люкѣ нго сѣ|красена кста (л. 241а), боудутъ г^ѣоу приносѣ|ще жрѣт^ѣоу (л. 242а), вѣ|скрасеникъма іс^ѣ х^ѣа из мрдткѣ|нхъ (л. 242в), кто трдп^ѣта скорки (л. 244г). Так называемое двуеровое написание встречается в конце строки: ддрд|зновениіе ко имамъ къ боу (л. 239в).

У третьего переписчика также отмечены древнерусские написания: ддрзди|те (л. 198б), ста предъ дкд|рдхъ (л. 206в), не оуддржи мѣ|не (л. 207б), къкдржени кѣ|детъ (л. 212в), море пдрк^ѣе (л. 220а), окр^ѣ|те жестосдрд|іе каше (л. 222б). Но встречаются и южнославянские написания: дша^ѣ ки прискрѣ|кна кста (л. 207г).

Следует иметь в виду, что южнославянские орфограммы с ерами после плавного могли поддерживаться развитием в новгородско-псковском диалекте особого рефлекса групп типа ТьГТ: ТьГТ > ТьГ^ѣТ > ТгоТ [7, с. 50–51]. Факты, представляющие особый тип рефлексации групп ТьГТ с утратой органического гласного и развитием вставного гласного, широко представлены также в галицко-волинском Погодинском списке Паренесиса Ефрема Сирина 1289 г. Подобное развитие охватывало всю западную окраину Древней Руси [8, с. 131–132].

У четвертого переписчика преобладают традиционные написания: прккддн^ѣи бо и по смдр^ѣти жикъ кста (л. 258б), къ смдр^ѣта немилостивно къгна (л. 260б), оуломкомъ ждрнока (л. 260г), обдр^ѣт^ѣкъше къ шд|таръ (л. 262б), оумдрлѣ^ѣ кѣхъ сѣ токою (л. 263а), аще кси полоуина ддрзновениіе оу г^ѣа (л. 263б), на ждр^ѣткѣ б^ѣги (л. 263в), боудете сѣ|кдршили запок^ѣди (л. 264б). Наблюдаются также случаи с пояснением глухого: оутк^ѣржающе о^ѣтциноу скою роу^ѣскоую (л. 258б), омеркоша кию^ѣсѣа (л. 260а), кѣзрѣ из дкерца на н^ѣо (л. 264а), кък^ѣржена кѣ^ѣ къ море (л. 264б).

Помимо сочетаний редуцированных с плавными в рукописи нередко встречаются написания жд с южнославянской рефлексацией *dj при обычном русском написании ж:

а) у первого писца: да боудетъ разлоу^ѣающина междю^ѣ кодою (л. 2а), междю^ѣ кодою (л. 2а), междю^ѣ дн^ѣма (л. 33в);

б) у второго писца: сѣзи^ѣжемъ себе стѣлпѣ (л. 75б, 107а), къзри шчима тконма и киж^ѣ къзлѣ (л. 145г, с отражением графико-орфографического эффекта ѣ = е), тоужди ли къ|м^ѣнихов^ѣсѣа кмоу (л. 146в), оутк^ѣржа^ѣкста на кр^ѣтено (л. 166б, 242г), зарѣа огн^ѣна и ѿ|гна исхожа^ѣше (л. 172а), тоужд^ѣю (л. 174а), оутк^ѣржена на земли (л. 230г), дн^ѣги бни сох^ѣжа^ѣхоу и къс^ѣжа^ѣхоу по неи (л. 231а), и ср^ѣце ихъ пок^ѣже^ѣно боудетъ къ нихъ и см^ѣтетсѣа д^ѣхъ и|хъ (л. 234г), кижю^ѣ вид^ѣниіе (л. 236а), пр^ѣже ст^ѣор^ѣкниа везд^ѣни и пр^ѣже да|же не поточ^ѣи источ^ѣникъ в^ѣдн^ѣихъ пр^ѣже оутк^ѣржениа гор^ѣск^ѣго пр^ѣже кс^ѣхъ х^ѣамъ ража^ѣтѣа ма (л. 236г), рожен^ѣи ѿ б^ѣа (л. 238б), ѿ г^ѣи надежа калша (л. 250в), дажа^ѣ ми ткои^ѣхъ прест^ѣла (л. 251а), заб^ѣтѣа мои междю^ѣ токою (л. 253в, 254а), пр^ѣже в^ѣкѣа о^ѣнока ма (л. 254в), пр^ѣже кс^ѣхъ х^ѣамъ ража^ѣтѣа ма (л. 254в), бра^ѣ не|накижю (л. 255б);

в) у третьего писца: и|с|хо|жа|хоу роу|кою кѣсокою (л. 197в), кѣ|ниде ме|жю полкома ю|гю|пат|скѣме (л. 199а), ме|жю мѣ|жема и брато|ма юго (л. 221г), пре|же исполнѣтѣса гоумна (л. 224а), прѣ|жѣ да|жѣ не придетѣ днѣ гнѣ (л. 225а);

г) у четвертого писца: се|го бо ради ра|жа|кѣтѣса моужѣ (л. 256а), бра|га сконго нена|ви|жю (л. 256г), оу|т|вер|жя|юще ѡтциноу скою (л. 258б).

В рукописи наблюдаются диалектные образования с жг < *zg, характерные для новгородско-псковских рукописей: не о|д|ж|ги бо бѣ на зѣмлю (л. 41а), не о|д|ж|гити кѣ немѣ дѣ|ж|дѣ|ма (л. 50в), и о|д|ж|гитѣ камѣ (л. 224а), дѣнде же дѣ|ж|га (л. 202в, 224а), дѣ|ж|га великѣ и мѣлннѣ блнстаннѣ (л. 260а).

У первого писца иногда встречается замена свистящего на шипящий, свойственная псковским письменным памятникам XIV – XV вв.: ж|емла дѣстѣ жи|га скою (л. 25в). По мнению лингвистов, Прм 1271 был списан с псковского оригинала, из которого и были перенесены некоторые особенности псковской графики и языка. При отсутствии источников по истории псковского языка, а также западнорусских текстов до XIV в. данные Захариинского паримейника представляют особую ценность [5, с. 237].

Таким образом, языковые особенности Прм 1271 указывают на то, что все четыре переписчика были, по-видимому, северо-западного происхождения. Всем переписчикам свойственны диалектные черты: смешение аффрикат ц и ч, ж и о, ѣ и ѣ (ѣ), написания с жг наряду с жд. Четвёртый писец, написавший последние девять листов рукописи, на которых расположены паремии о Борисе и Глебе, возможно, работал позднее, поскольку у него отсутствуют так называемые «болгарские» написания с редуцированным после плавного, практически нет нестяжѣнных написаний имѣн прилагательных и форм имперфекта, он использует только древнерусские формы с ж < *dj.

Примечательно, что в новгородском списке Паренесиса 70–80-х годов XIII в. (РГАДА, Тип. 38) также наблюдаются архаичные написания, совпадающие с правописанием источников конца XI в. В большом количестве здесь представлены нестяжѣнные формы прилагательных и имперфекта, нерусифицированное неполногласие типа прѣ|ди вместо стандартного древнерусского прѣди, жд < *dj [9, с. 59]. В Прм 1271, таким образом, представлены явления, которые разовьются в полной мере во время второго южнославянского влияния в XV в., и начальный его этап, отразившийся в архаизированной орфографии новгородских рукописей, можно отнести ещё к последней трети XIII в.

Summary

A.I. Kuzovenkova. Regional Versions of Literary Language and the Second South Slavic Influence (On the Orthography of Zakhariinskii Parimeinik of 1271).

The article reveals certain language peculiarities of one of the unexplored manuscripts, *Zakhariinskii Parimeinik* of 1271. On the one hand, the manuscript reflects the Pskov-Novgorod dialect features: the mixing of affricates ц and ч as well as sibilant and hushing sounds, a particular type of the reflexivity of ТьгТ groups, the use of жг along with жд, etc. On the other hand, there are many spellings of South Slavic origin in the manuscript. All this makes it possible to state the appearance of obsolete orthography in *Zakhariinskii Parimeinik* and

to specify information about the number and territorial belonging of the scribes, who worked on the text.

Keywords: church manuscripts, text of paroemias, historical grammar.

Источники

Прм 1271 – Паримейник (Захариинский) 1271 г. // РНБ (Российская национальная библиотека). Q, п. I, 13. 264 л.

Литература

1. *Пичхадзе А.А.* К истории славянского паримейника (паримейные чтения книги Исход) // Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян. – М.: Наука, 1991. – С. 147–173.
2. *Дурново Н.Н.* Введение в историю русского языка. – М.: Наука, 1969. – 295 с.
3. *Карский Е.Ф.* Славянская кирилловская палеография. – М.: Наука, 1979. – XIX, 494 с.
4. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР, XI – XIII вв. – М.: Наука, 1984. – 405 с.
5. *Каринский Н.М.* Паремейник 1271 года как источник для истории Псковского письма и языка // Сб. ОРЯС. – 1928. – Т. 102, № 3. – С. 233–237.
6. *Колесов В.В.* Русская историческая фонология. – СПб.: Фак. филологии и искусств СПбГУ, 2008. – 400 с.
7. *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. – М.: Языки слав. культуры, 2004. – 872 с.
8. *Жолобов О.Ф.* Пристанище невълонимое (к рефлексации групп типа ТЪРТ/ГЪЛТ) // Русский язык в научном освещении. – 2009. – № 1 (17). – С. 127–133.
9. *Жолобов О.Ф.* Корпус древнерусских списков Паренесиса Ефрема Сирина. I: РГАДА, Син. 38 // Russian Linguistics. – 2007. – № 31. – С. 31–59.

Поступила в редакцию
15.05.13

Кузовенкова Анна Игоревна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры иностранных языков, Казанский государственный архитектурно-строительный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: akuzovenkova@mail.ru